

ОЛЕГ ЛЕМЕНТОВ

БЫТИЕ

Пути Богов

Олег Лементов

Бытие. Философский роман

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23418011

Бытие: Animedia; Прага; 2017

ISBN 978-80-7499-253-7

Аннотация

Вопросы «кто?» и «откуда?» волновали человечество, наверное, с момента его появления. Здесь автора вряд ли можно назвать оригинальным, но, в отличие от иных версий нашего с вами происхождения, данное произведение, кроме прочего, пытается ответить еще и на вопросы «как?» и «почему?». Как устроена вселенная и почему версия ее происхождения, изложенная в древнеиндийских ведах, автору ближе, чем теория большого взрыва? Как, благодаря ветхозаветным заповедям, человечество продержалось тысячи лет и почему их подмена может уничтожить все усилия наших предков? Да и вообще, стоят ли амбиции отдельных представителей нашего вида безопасности всего нашего дома? Ведь, по глубокому убеждению автора, иного у человечества никогда не будет.

Содержание

Олег Лементов	4
ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	14
1.	14
2.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Лементов

Бытие

Пути Богов

ПРОЛОГ

ЖИЗНЬ ПРОРОКА. НАЧАЛО

Солнце клонилось к закату. Тени, отбрасываемые огромными валунами, быстро увеличивались, надежно скрывая и без того едва заметную тропу, петлявшую среди острых камней склона. Сейчас, оказавшись здесь, трудно было даже предположить, что когда-то по этим местам проходила дорога. На протяжении многих лет она верно служила людям, искавшим счастье в богатых медью горах. По ней, как по огромной артерии, дары земли стекались вниз к многочисленным селениям, наполняя смыслом тяжелую жизнь их хозяев.

Но, к несчастью ремесленников, не только металлом оказались богаты горы.

Размеренная жизнь вольных племен закончилась, когда в горах нашли месторождения бирюзы. Правители Египта слишком дорого ценили этот камень, чтобы оставаться в стороне, и вскоре на вершине горы выросла крепость. Не в силах противиться силе фараонов, коренные жители покинули эти места, и дорога в горы была забыта.

Шли годы, но больше никому было претендовать на богатства царей Египта.

Солдат сменили жрецы, а крепость перестроили в храм.

Храм. Именно к нему, как когда-то, много лет назад, держал сейчас свой путь Аамеса. Несмотря на приближавшуюся ночь, он не торопился. Опираясь на посох, казалось, даже не замечая уходивших из под ног камней, он шел, высоко подняв голову, глубоко, с наслаждением, вдыхая прозрачный горный воздух. Тишина, одиночество и полная свобода – вот то, чего так не хватало ему в последнее время. Сейчас он позволил себе на время сбросить возложенную на него ношу, и потому даже самые опасные участки казались ему легкими и приятными. Предавшись воспоминаниям, он, казалось, и вовсе не замечал препятствий на дороге. Сколько же лет прошло с тех пор, когда он первый раз пришел в эти места? Сорок? Может и больше, но память его свято хранила события тех лет. Кем был он тогда? Молодой удачливый полководец, обласканный дружбой фараона. Беззаветно преданный ему и его идеям. Баловень судьбы, не знавший ни роду ни племени. Эхнатон мечтал о новом, свободном от

каст и предрассудков Египте, и Аамеса был не просто его правой, защищающей, а то и карающей рукой. Он дышал с ним одним воздухом. И этот воздух пьянил его. Их юношеский максимализм не знал компромиссов и не давал сомневаться в собственной правоте.

Все изменилось в одночасье. Смерть друга остудила его горячую голову. Гробница еще не была запечатана, а власть уже вернулась к жрецам. Над соратниками мятежного фараона нависла смертельная угроза. И он ушел. Ушел не потому, что хотел обезопасить себя. Оставаясь верным клятве, он был лишь телохранитель, тень, готовая в любой момент защитить того, кто был ему не менее дорог, чем сам Эхнатон. Благодаря Аамесе, а больше воле богов Мери-Ра удалось спастись от преследователей. Он привел его сюда, в храм богини земли.

Жрецы Хатхор были единственными, кто остался верен его умершему другу. Они посчитали за великую честь принять верховного жреца Египта. Так на многие годы бывшая крепость стала их с Мери-Ра домом. Здесь жизнь по-новому открылась ему, и слово, а не меч стало его оружием.

И вот, через столько лет, воля богов вырвала его из спокойной жизни. Не смея противиться ей, он был вынужден вернуться в Египет, чтобы, собрав там под своим началом семитские племена, привести их к храму. К его удивлению, ему это удалось, но что делать дальше? Ответа на этот вопрос пока не было. Уже два раза он пытался получить его,

но оракул, чью волю он выполнял, был безмолвен.

Терпение ожидавших его у подножия горы людей таяло на глазах. Они уже открыто упрекали его в том, что он, прикрываясь волей богов, вступил в сговор с фараоном, решившим пополнить ими ряды рабов на рудниках.

Но не обвинения, таившие пока скрытые угрозы, беспокоили его. Судьбы людей, за жизнь которых он теперь нес перед самим собой ответственность, – вот та ноша, которая с каждым днем все более тяготила его. Как бы там ни было, но благодаря ему они стали изгнанниками в стране, в которой не одну сотню лет жили их предки, в стране, давно ставшей им родным домом. Поверив ему, они были уверены, что он, Аамеса, укажет им иной путь. Путь, который сделает их жизнь более легкой и счастливой, но...

Оракул молчал. У богов нет обязательств перед людьми, а значит, нет гарантии, что он вообще дождется ответа. Если этого не произойдет, ему самому придется принимать какие-то решения.

Эта мысль угнетала его, хотя в глубине души он был уверен, что высшие силы все же вспомнят о нем.

Уже совсем стемнело, когда Аамеса подошел к храму. За последние сто, а может, и больше лет он, наверно, был единственный из людей, кто видел эти стены снаружи. Центральные ворота располагались довольно далеко от этого места, и с дороги, ведущей к храму, сюда было невозможно попасть. Вообще, вся стена, окружавшая храм, была построена еще

в те времена, когда здесь стояли солдаты, и сейчас жрецы не нуждались в ней. Местность, где она возвышалась, была практически непроходима, да и угрозы служителям Хатхор ждать было неоткуда. Аамеса не зря вышел именно к этому месту. Здесь, между огромными камнями, привалившимися к стене, был небольшой проход на территорию храма. Сейчас было трудно понять, человеческие руки или силы природы были авторами этого лаза, но Аамеса, проведя здесь долгие годы, иногда пользовался им. Более того, с тех пор как он привел людей к подножию горы, этот вход стал просто незаменим, так как сохранял ему и время, и силы.

Подойдя почти вплотную к стене, он остановился, и, отложив посох, сел на высокий, еще хранивший тепло камень. Конечно, тяжелый подъем утомил его уже немолодое тело, но не это на самом деле было причиной, по которой он медлил заходить в храм. Он устал, устал от сомнений, которые, несмотря на твердость духа, медленно поедали его изнутри, устал от обязанностей, свалившихся на него на склоне лет. Его, мимо воли, манила та, все еще такая близкая, недавняя жизнь. Каждый раз, поднимаясь из стана к храму, он чувствовал себя, как зверь, вырвавшийся на волю из людского плена, а потому старался как можно дольше продлить драгоценные минуты.

Ночь уже вошла в свои права, когда пророк, сделав над собой усилие, поднялся и вошел в туннель. Идти было темно, но это нисколько не смущало Аамесу, знавшего здесь каждый камень. Вскоре впереди появился слабый свет, и уже через несколько шагов он оказался на территории храма.

Строго говоря, это были пределы бывшей крепости. Сам храм и прилегающие к нему строения находились несколько дальше. За ненадобностью жрецы редко бывали здесь, но сегодня на одном из полуразрушенных обелисков горел огонь, освещая мерцающим светом узкую тропинку, петлявшую между развалинами старых казарм. Пройдя по ней, Аамеса вскоре оказался у центральной террасы.

В столь поздний час на ней не было ни души. Его это вполне устраивало. Вопросы о делах в стане окончательно выбили бы его из равновесия. Вся жизнь он был хозяином положения. Ни люди, ни обстоятельства не были властны над ним, поэтому теперь чувствовать свое бессилие было особенно тяжело.

Пройдя между колоннами, он подошел к небольшому бассейну. Зачерпнув ладонями живительной влаги, старик омыл обветренное, уставшее от жаркого солнца лицо. Затем он взял стоявшую на краю бассейна небольшую чашу и наполнил ее водой. Он успел сделать лишь несколько глотков,

когда почувствовал на своем плече чью-то ладонь. Аамеса оглянулся. Перед ним стоял Мери-Ра.

– Приветствую тебя, доблестный воин! Что-то ты долго добирался. Забыл дорогу домой? – с улыбкой произнес он.

– Только не говори, жрец, что ты за меня волновался, – в тон ему ответил Аамеса.

– И ждал, и волновался, – уже серьезно сказал Мери-Ра, присаживаясь на край бассейна. – Я знаю, ты устал с дороги, поэтому не буду тебя задерживать. Хочу лишь, чтобы ты знал: твоя проблема – это наша общая проблема, и, думаю, затягивать с ее решением не имеет смысла. У нас с братьями уже есть кое-какие мысли, и завтра мы изложим их тебе. В общем, не переживай и отдыхай со спокойной душой.

– Спасибо, я постараюсь, – улыбнулся Аамеса. Протянув руку, он легонько пожал плечо своего старинного друга.

Оставив Мери-Ра, Аамеса направился к себе.

Он не дошел до кельи несколько шагов, когда почувствовал, что с ним происходит что-то неладное. Внезапная слабость охватила все тело. Голова стала ватной, а в глазах потемнело. Собрав остатки воли, опираясь всем телом на посох, Аамеса с трудом переступил порог своего жилища и опустился на кровать.

После этого он уже не чувствовал тела. Ни болей в натруженных мышцах, ни ломоты суставов – ничего. В глазах по-прежнему было темно, но теперь его почему-то не тревожила ни внезапная немоть, ни судьбы оставленных им людей. Его

состояние было скорее состоянием полного покоя или даже отрешенности от принесшего ему столько переживаний мира. Он лежал, он был беспомощен, а тем временем пространство вокруг него постепенно наполнялось каким-то иным, неведомым до сего дня смыслом. Его глаза были закрыты, но сейчас он видел намного больше, чем когда-нибудь.

Жизнь. Великое таинство, которое он, как и всякий человек, до сих пор мог лишь созерцать, постепенно открывалось ему, обнажая свою суть. Недвижим, он чувствовал, как она бесконечными нитями, сплетенными в невероятный узор, проходила сквозь него. Поднимаясь из глубин океана, спускаясь с высоких гор, оплетая леса и долины, она связывала его со всеми живущими в этом огромном мире. И он был частью этого великого хаоса. У него не было силы, способной управлять им, но он мог чувствовать и понимать его. Он понял, что незримо может прикоснуться к каждому живущему, понять его, и это внезапное открытие поразило его. Безусловно, это открывшееся в нем восприятие мира было даром богов, и Аамеса решил воспользоваться им.

Мери-Ра. Представив его образ, пророк тотчас отчетливо ощутил неуверенность и сомнения, терзавшие верховного жреца Хатхор. Все мысли старинного друга были теперь для Аамесы открытой книгой. Сейчас тот мучительно пытался найти выход из сложившейся ситуации. Тысячи людей, думал Мери-Ра, стоят практически у ворот храма без крова и пищи. Их вера как в Аамесу, так и в свое великое предназна-

чение тает с каждой минутой, и если ничего не предпринять – они станут реальной угрозой...

Нет смысла выяснять, руководили ли боги действиями бедного Аамесы или нет, – случилось то, что случилось. Пока еще не поздно, надо организовать этих дикарей и указать им цель их исхода. Желательно, чтобы цель эта была как можно дальше от храма и копий.

Например, за пустыней, где богатые и плодородные земли. Пусть по воле богов они будут дарованы им...

Сам путь через пустыню не из простых и отберет не одну жизнь. Те же, кто дойдет, непременно попадут в рабство к местным царям. Так что желающих вернуться к храму и отомстить за обман будет немного.

Аамеса почувствовал, что после этих рассуждений настроение Мери-Ра заметно улучшилось, а место растерянности теперь было занято огромным количеством мыслей, призванных воплотить эту идею в жизнь. Единственная сложность, которую предвидел жрец, заключалась в необходимости убедить его, Аамесу, поддержать этот план. В конце концов он решил, что при необходимости задержит своего друга на несколько дней в храме, а тем временем послушники спустятся в стан и, смешавшись с толпой, распространят слух о богатстве, ожидающем путников по ту сторону пустыни. К тому времени, когда Аамеса присоединится к изгнанникам, все уже будет решено, и он будет вынужден прислушаться к желанию толпы.

Удивительно, но мысли верховного жреца не вызвали в Аамесе ни возмущения, ни разочарования в старом друге. Сейчас его душа была неподвластна обычным человеческим эмоциям, а лишь служила для связи с миллионами и миллиардами иных разнообразных форм жизни, населяющих этот мир.

Неожиданно он поймал себя на мысли, что такое мироощущение для него совсем не ново. Более того, оно естественно и понятно ему.

Лежа в тесной темной келье, старик мучительно пытался вспомнить. Вспомнить что-то очень важное, то, что когда-то происходило с ним.

Детство. Да, без сомнения, это было еще в детстве. Но в его ли детстве?

А тем временем в голове начали всплывать картинки давно позабытого прошлого...

ГЛАВА 1

ЖИЗНЬ БОГА

1.

Босоногий, одетый в странную, но удобную одежду, еще совсем мальчик, он брел по горной тропинке, петлявшей между вековыми деревьями. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь высокие кроны, сплетались в причудливую паутину. Щебет птиц, шелест листвы – все радовало душу юного создания, чувствовавшего себя одним целым с окружающим его диким великолепием.

Вскоре он вышел к небольшому ручью. Тот, весело журча и перепрыгивая через камни, нес свои легкие прозрачные воды вниз, в долину. Путь мальчика не был долгим, и он не чувствовал усталости, но все же он не удержался, чтобы не остановиться. Зайдя в воду, он почувствовал в ногах приятно обжигавший холод. Зачерпнув ее руками, мальчик сделал несколько маленьких глотков, а оставшейся влагой освежил горячее лицо. Сотни крошечных капелек, запечатлевших на

себе отпечаток его души, стекли с лица и, вернувшись в ручей, унесли с собой его образ. И хотя это было лишь отражение, ему было приятно, что ручей сохранит для леса воспоминания о нем.

Выйдя на берег, он пошел вдоль воды и уже через несколько мгновений оказался на опушке. Здесь ручей, замедляясь, превращался в небольшую речушку, скрывавшую свои извилистые берега в высокой сочной траве.

Несколько грациозных оленей пили из речки, не обращая на мальчика ни малейшего внимания. Считалось недопустимым тревожить души животных, и потому олени чувствовали себя в его присутствии в полной безопасности.

Он всегда соблюдал это правило, не видя смысла тревожить без надобности окружавший его мир, но сегодня...

Сегодня он пришел проститься с этим местом, проститься с детством, а потому... Широко раскинув руки и направив взгляд в покрытое белой вуалью облаков голубое небо, он буквально выплеснул в окружавший его мир все то, что переполняло его юную душу.

Этот «крик» души, в котором было и сожаление, и немного грусти, но в основном гордость за себя и свое взрослое будущее, не мог не нарушить спокойствие животных. Бросив пить, олени в замешательстве подняли головы. Конечно, им было сложно понять его, и хотя они и не почувствовали для себя явной угрозы, но все же решили покинуть водопой и скрылись в лесу.

Улыбнувшись им вслед, он продолжил идти вдоль реки и вскоре увидел Яхве.

Они были очень близкими друзьями и к тому же одного возраста. Яхве жил с отцом по соседству, так что всю свою короткую жизнь они провели вместе.

Сидя на берегу и опустив ноги в теплую воду, тот с интересом рассматривал противоположный берег. Подойдя к другу, мальчик, не раздумывая, уселся рядом.

– Наконец я тебя дождался, нарушитель покоя, – повернув к нему голову, сказал Яхве.

– А ты, я смотрю, совсем не весел.

– Жаль покидать все это. Этот луг, лес, речку. Жаль оставлять отца. Тебя, Адам, тоже жаль.

– Мне тоже, конечно, не хочется с тобой расставаться, но ведь это не навсегда. Зато сколько нас ждет впереди нового. Настоящая взрослая жизнь.

– Возможно, ты и прав, – медленно и даже нехотя произнес Яхве.

– Не понимаю, как Совет мог направить тебя в школу пилотов?

Он сам всю жизнь мечтал о том, чтобы стать пилотом и чтобы потом его непременно избрали разведчиком. Знал он о них немного, но был уверен в том, что их жизнь – настоящий подвиг. Много раз представлял он себя в образе героя, который, рискуя своей жизнью, спасает друзей и целые миры. Но Совет решил иначе. Впереди его ждала судьба ге-

нетика, специалиста по цветочкам. И в этой явно девчачьей профессии точно не было места опасностям.

Как друг, Яхве знал, что решение Совета разочаровало Адама, а потому лишь улыбнулся в ответ на искреннее, хотя и не очень подобающее для юного бога восклицание.

Болтая в теплой мутноватой воде ногами, друзья переключили свое внимание на противоположный берег речки. Там, закопавшись почти полностью в прибрежную грязь, счастливо похрюкивала огромная свинья. Десяток поросят копошились вокруг матери, усердно перепахивая пяточками мягкую болотистую почву.

– А по-моему, это прекрасно – разбираться в душе окружающего тебя мира, – сказал Яхве. – Из тебя выйдет хороший генетик, Совет редко ошибается, а что касается переживаний и опасностей – отец говорит, что с ними сталкиваются все переселенцы, так что, Адам, на нашу жизнь такого добра хватит, не сомневайся.

Чувствуя неловкость за вырвавшиеся ранее слова, Адам не стал возражать другу, тем более что сейчас его внимание привлекла небольшая точка, появившаяся на горизонте. Она бесшумно, но очень быстро увеличивалась и очень скоро превратилась в небольшой ковчег. Подлетев к месту, где сидели мальчики, ковчег опустился ниже и завис в воздухе. Его тень, накрывшая берега, повергла в панику не умудренных еще житейским опытом поросят, заставив искать защиты у матери. С визгом, виляя закрученными хвостиками, они

бросились под свинью. И хотя она некоторое время пыталась не реагировать на это внезапное нашествие, в итоге ей, хоть и с явной неохотой, все-таки пришлось покинуть такую удобную и успевшую стать любимой канаву.

Этот ковчег был хорошо знаком Адаму. Он смог бы узнать его даже из миллиона подобных, ведь он принадлежал их семье и в некотором смысле был даже ее членом уже на протяжении многих поколений. Такие домашние ковчегі служили богам не просто средством передвижения или хранителями памяти. Обладая душой, пусть даже искусственной, они являлись «хранителями семейного очага», незаменимыми советчиками и помощниками во всех начинаниях.

Немного повисев над землей, ковчег бесшумно опустился за спинами юных богов. Из него вышла высокая молодая женщина, и Адам, вскочив с места, бросился ей навстречу.

– Нам пора, милый, – нежно и почему-то грустно произнесла мама, обняв его.

– Но ведь я улетаю только завтра! Можно я еще побуду с Яхве? Во время учебы мы будем редко видеться.

– Сынок, – она присела и посмотрела ему в глаза. У Адама вдруг чаще забилося сердце от появившейся в душе тревоги, – мы с отцом хотели бы провести этот вечер с тобой. Пожалуйста, давай вернемся домой.

– А Яхве? Мы оставим его здесь? – шепотом спросил он.

– Если он не против, мы можем отвезти его домой. Я все равно собиралась проведать его отца. Яхве, милый, – повы-

сив голос, чтобы ее было слышно, позвала она его друга. — Полетишь с нами?

Стоявший в десятке шагов Яхве кивнул в знак согласия и направился вслед за ними к ковчегу.

Полет длился недолго. Они с Яхве не обмолвились и десятком слов, как ковчег спустился на луг перед домом его друга. Наверно, сотни раз Адам видел этот дом, но всегда изумлялся его новизне и необычайной красоте. Строго говоря, это был даже не дом, а огромный сад. Ковер из мягкой травы и необычных цветов заменял в нем пол. Деревья и кустарник служили стенами. Все растения были подобраны так, что цветение не прекращалось круглый год, меняя внутри комнат цвет и аромат. Каждый раз гостя у Яхве, Адам постоянно чувствовал необыкновенный покой и уют, царивший в этом необычном жилище.

Стена ковчега бесшумно раздвинулась. Мальчики вышли. К ним не торопясь шел высокий мужчина. Это был Оларун, отец Яхве.

Отношение к нему всех соседей, включая и родителей Адама, было неоднозначно. Его прошлая жизнь, взгляды и даже этот живой дом давали почву для всяческих пересудов. Да и он жил отшельником, не общаясь практически ни с кем, кроме сына. Но, конечно, не его затворничество служило поводом для всевозможных разговоров. Оларун был намного старше всех живших вокруг. Наверно, на всей планете не нашлось бы и десятка его сверстников. Яхве утвер-

ждал, что папа помнил еще те времена, когда идея переселения только зарождалась. Возможно, он был одним из тех немногих, которые не приняли ее. Любя свой мир, отец Яхве искренне не мог понять, зачем необходимо добровольно покидать его, а затем тратить миллионы лет, терпеть лишения только для того, чтобы где-то на краю Вселенной вновь его обрести. Итак, он остался, живя в мире и покое с самим собой. Его покидали друзья, жены, дети, а он все жил в этом созданном им саду. Так и мама Яхве покинула этот мир, и его друг остался жить с отцом. Конечно, молодость, мечты и чувство долга не ставили под сомнение переселенческую миссию, считавшуюся целью в жизни любого из богов, но все же в разговорах с Яхве Адам чувствовал, что убеждения отца оказывали огромное влияние на взгляды товарища.

Возможно, подумал он, наблюдая за идущим Оларуном, из-за отца Совет и направил Яхве в школу пилотов. Теперь на протяжении всей учебы, да и в дальнейшем, он будет редко посещать планету. Его семьей и домом должен будет стать межзвездный ковчег, а годы, проведенные в космосе, помогут ему сделать правильный выбор.

Здесь Адам опять поймал себя на мысли, что завидует другу.

Они вышли из ковчега, и Оларун пригласил маму зайти. Та, к удивлению и радости Адама, согласилась. Они пошли не торопясь, а Адам с Яхве, обогнав их, наперегонки побежали к дому.

Яхве повел его в одну из своих комнат.

– Даже не знаю, говорить или нет... Меня вызывали в школу пилотов на собеседование.

Услышав эту новость, Адам почувствовал, как в груди сильнее забилося сердце.

– Ничего особенного, но, по-моему, среди тех, с кем я разговаривал, были несколько разведчиков.

– Не может быть! Ты видел настоящих разведчиков?!

– Мне так показалось. Знаешь, Адам, я этого даже отцу не говорил, но они не такие, как мы. Их душа отличается от души обычных богов.

– Это все ерунда, такого не может быть. Ты волновался, вот тебе и показалось. Лучше расскажи, как все прошло. Ты избран?

– Думаю, нет, вряд ли я им понравился.

– Жаль.

– Я даже рад.

Яхве уже было хотел высказать свои соображения по этому поводу, но голоса матери и Оларуна, вошедших в соседнюю комнату, прервали их беседу.

– Я никогда не думала, что это будет так тяжело.

– Лада, милая, я помню твоих родителей, родителей твоих родителей, и, поверь, для всех без исключения это был не простой, самый сложный в их жизни шаг. Цель переселенческой миссии благородна и велика. Благодаря ей мы порождаем подобных себе не только в нашем крошечном мире, но

и по всей бескрайней Вселенной. В этом уже многие годы заключен смысл жизни как отдельного бога, так и всего общества.

— Я это понимаю, но все же... Адам. Я больше не увижу его. Не смогу радоваться его успехам, не познакомлюсь с матерью его будущих детей, не поддержу в сложную минуту, не помогу советом.

— Безусловно, это так. Но есть и другая сторона. Когда-то, еще до моего рождения, боги приобрели бессмертие. Появление новых поколений перестало быть необходимостью, и, мало того, оно грозило перенаселением планеты. Это был путь к застою и к бессмысленному и скучному существованию. Именно тогда в обществе родилась идея покорять иные миры. Мы мало знали о Вселенной. Проявления вселенской силы были плохо изучены и не систематизированы, а ковчегов-разведчиков вообще не было. Но это не остановило твоих предков. На несовершенных межзвездных ковчегах, не гарантировавших порой даже один удачный переход, они покидали планету без малейшей уверенности, что хоть когда-то найдут пригодный для жизни мир. Но другая ли планета была их истинной целью? Нет. Это была жертва, добровольная жертва собой, ради рождения новых поколений.

С тех пор ничего не изменилось. Да, мы много знаем о строении Вселенной. Да, благодаря разведчикам переселенцы уходят к конкретному миру, миру, подготовленному для их жизни. Да, наш вид уверенно покоряет Вселенную. Но

еще благодаря этому у тебя появилась возможность родить Адама. Он живет только лишь потому, что ты покидаешь наш мир, и покидаешь его без малейшей претензии на возвращение. Возможно, это тяжелый шаг, но шаг благородный и достойный.

– Конечно, ты прав, Оларун. Мое малодушие – это лишь материнский эгоизм, но... В моих сомнениях есть и твоя вина. Ведь это ты многие годы заставлял меня сомневаться в миссии переселенцев. Ты сам, отказавшись от нее, убеждал меня, что лишь эта планета может быть нашим домом.

– Мои убеждения – только лишь мои, и, возможно, они ошибочны. В любом случае, сейчас это уже не имеет значения. Вы с мужем приняли это решение давно, и даже возникшие сейчас сомнения вряд ли его изменят. Ты все равно улептишь. Лучше, чтобы, покидая этот мир, ты была абсолютно уверена в том, что поступаешь правильно.

На это мама ничего не ответила, и в соседней комнате воцарилась тишина.

Услышанное поразило Адама, заставив забыть и о присутствии друга, и об их разговоре. Его родители покидали этот мир. Покидали навсегда. Событие, к которому его готовили всю жизнь, застало врасплох. Еще вчера факт того, что его мама и отец будут переселенцами, вызывал гордость в его юной душе, но сейчас...

Близость разлуки с родителями в один миг приобрела явные угрожающие черты, и все проблемы, волновавшие

его до этого момента, исчезли в один миг.

Пустота и предательский ком в горле – это все, что сохранит его память о вступлении во взрослую жизнь.

2.

С высоты школа пилотов походила на части разноцветного детского конструктора, разбросанные по яркому ковру-парку. Как будто что-то отвлекло юного архитектора от созидательного процесса, и все, что он успел построить, – это некое подобие дворца с огромным прозрачным куполом, стоявшее в стороне от хаотического скопления других кубиков-зданий.

Место для посадки ковчегов находилось довольно далеко от основного здания. Это был учебный полигон школы и одновременно некое подобие музея под открытым небом, где были представлены все модели ковчегов, начиная с еще очень древних. Корабль мягко и быстро приземлился. Одна из стен плавно раздвинулась, и Адам встал с удобного кресла, даже не дослушав свою любимую мелодию, развлекавшую его в течение всего полета. Но на это была очень веская причина, и ковчег должен был понимать это и не обижаться на столь невнимательное отношение к его стараниям. Его

единственный и самый близкий друг стоял по другую сторону ковчега.

Сегодня заканчивался срок его обязательного обучения, и сегодня Яхве и его товарищи будут объявлены пилотами. Торжества по этому поводу вошли в традицию с незапамятных времен, когда еще профессия пилота была не только почетной, но и крайне опасной, и хотя с тех пор звание пилота стало более обыденным, сама церемония посвящения несколько не утратила своей значимости.

Ступив на мягкий газон, Адам тут же оказался в объятиях друга. За те несколько лет, что они не виделись, Яхве сильно возмужал, хотя, изменившись внешне, внутри он оставался все тем же, а в глазах молодого бога светилась та же любовь и преданность их дружбе.

– Адам, я очень рад тебя видеть. Спасибо, что нашел для меня время.

– А разве могло быть иначе?

– Да, конечно. Извини, это все от волнения.

Не торопясь они пошли по едва заметной тропинке к небольшому зданию на границе между учебным комплексом и полигоном.

– Как отец?

– Ты его сегодня увидишь, он уже прибыл. Оказывается, один из наших преподавателей – его старый знакомый. Они не виделись сотни лет, а сегодня благодаря мне встретились. Так что наверняка сейчас где-то в укромном уголке преда-

ются воспоминаниям и появятся только к торжественной части.

– Может, ты и мне устроишь небольшую экскурсию? О вашей школе ходят легенды, а мне ведь впервые посчастливилось здесь побывать.

– Детские мечты так до сих пор и не дают покоя? – Яхве улыбнулся, но улыбка эта была не иронической, а скорее виноватой. Как будто он до сих пор чувствовал за собой вину, что именно ему выпало здесь учиться.

– Нет, ты знаешь, мне действительно просто интересно. А что касается выбора, я нисколько не жалею о решении Совета. Генетика – поразительная наука. Ее границы необъятны, а взаимодействия души с различными проявлениями вселенской силы настолько сложны, что я сомневаюсь, удастся ли когда-нибудь до конца в них разобраться.

– Что ж, раз так, тогда меняем направление движения и возвращаемся обратно на полигон. Суть нашей профессии можно понять только тогда, когда знаешь историю.

Повернув направо, они пошли по направлению к живой изгороди, служившей условной границей полигона.

* * *

Издали казалось, что вековые деревья плотной стеной окружают поле, на которое тем временем садились ковчег, привозившие гостей. Деревья были посажены в несколь-

ко рядов и отделяли одну часть полигона от другой. Юноши прошли сквозь этот небольшой лес и оказались на поляне. Посреди нее, блистая в солнечных лучах, стоял необычный ковчег. Размерами с большой дом, сложной геометрической формы, он и отдаленно не напоминал ковчеги, использовавшиеся в быту. Конечно, Адаму уже приходилось покидать планету, так как одна из лабораторий генетиков находилась за ее пределами (давным-давно в целях безопасности ее разместили на одной из искусственных лун), но и там не было ничего подобного.

– Вот, уважаемый экскурсанта, перед вами главный модуль межзвездного ковчега – это, так сказать, его сердце и мозг. Остальные модули, правда, здесь ты не увидишь, так как они не представляют интереса для пилотов, – выполняют функции жилых помещений, лабораторий и так далее. Все вместе эти модули образуют огромный комплекс, который на долгие годы становится домом для переселенцев.

– Я такого раньше не видел.

– Неудивительно, ведь на всей планете это – единственный экземпляр. Такие ковчеги даже собираются в открытом космосе и не предназначены ни для взлета, ни для посадки. После переброски переселенцев они навечно остаются на орбите новых миров. Школе стоило огромных трудов, чтобы без повреждений привезти этот экземпляр. Но пойдем дальше. Этот модуль рано или поздно станет твоим домом, и у тебя будут впереди сотни лет, чтобы успеть им налюбоваться.

ся.

Они прошли очередной участок леса и оказались на другой поляне. То, что открылось глазам Адама, тоже наверняка было ковчегом. По форме он напоминал огромный колосс, имевший в диаметре не менее десяти шагов, а по высоте был даже выше окружавших его деревьев. Оболочка ковчега, некогда, без сомнения, гладкая и идеальная, была во многих местах деформирована, со множеством вмятин и царапин. Даже раздвигающаяся стена, служившая входом, была неплотно закрыта. Яхве медленно подошел к ковчегу и, протянув руку, с нежностью, как показалось Адаму, дотронулся до его поверхности. Таким образом он приветствовал ковчег как старого товарища. Адам с изумлением почувствовал, что ковчег ответил на приветствие его друга.

– Это наша гордость, – произнес Яхве. – Ковчег-разведчик, один из немногих, вернувшихся обратно. К сожалению, он был пуст, судьба богов, покинувших наш мир на нем несколько тысячелетий назад, неизвестна. Но знания, которые великодушно предоставил нам Лейл, поистине бесценны.

С этими словами Яхве взял под руку удивленного Адама и увел его с поляны дальше в лес. Отойдя немного от ковчега, он продолжил:

– Лейл, а это имя он выбрал себе сам, очень обидчивый, что не характерно для ковчегов-разведчиков, но с этим приходится мириться. Информация, которой обладает корабль,

уникальна и важна, а получить к ней доступ без его согласия мы не можем.

Признание друга немало удивило Адама:

– То есть ты хочешь сказать, что душа его по-прежнему не отключена?

– Конечно, ведь это уникальный случай, когда ковчег-разведчик, прошедший вселенские коридоры и повидавший тысячи миров, попадает в наши руки.

– А что же остальные? Неужели никто больше так и не вернулся в наш мир?

– Почему? Возвращаются. Правда, немногие. Из пилотов-разведчиков, по статистике, лишь один на десять тысяч экипажей находит путь домой. Но проблема в том, что все они практически не общаются с нами. Давным-давно, в целях безопасности, на одной из планет Вселенной для первого вернувшегося экипажа была построена небольшая база. Предполагалось, что после непродолжительного карантина боги-разведчики вернутся к нормальной привычной жизни. Но, к удивлению всех, они остались там жить и, мало того, запретили доступ к их ковчегу. С тех пор все, кто вернулся, селятся именно там. Их планета живет собственной жизнью и закрыта для будущих переселенцев. Лишь члены Совета поддерживают с ними связь, да и то она носит больше административный, чем научный характер.

– И что, никто и никогда не пытался что-нибудь разузнать?

– А каким образом? Свобода выбора – вот основа нашего общества. Их выбор – жить таким образом, и никто не может лишить их этого права. Они выполнили свой долг перед нами, и можно лишь догадываться, какую цену им пришлось заплатить за это.

Немного помолчав, Яхве добавил:

– Теперь ты понимаешь, как важен для нас Лейл.

Они вышли на очередную поляну, на которой находилось несколько небольших ковчегов.

– Эти ковчегии, хоть и созданы в разные годы, мало отличаются друг от друга. Они предназначены для транспортировки грузов и самих переселенцев с межзвездного ковчегии на поверхность иных миров. И по устройству, и по управлению они практически такие же, как и те, что мы используем в повседневной жизни, и поэтому для пилотов не представляют особого интереса. Их уникальность заключается в другом. Каждый из них – это целая лаборатория, оснащенная оборудованием и знаниями, необходимыми для воссоздания мира богов. Так что там, в далеком мире, они служат нам незаменимую службу.

– Если не ошибаюсь, на подобных им я покидал планету, чтобы попасть в нашу лабораторию.

– В общем-то ты прав. Как я говорил, внешне они очень схожи с теми, что тебе известны.

Они еще долго бродили от одной поляны к другой, где стояли сотни различных кораблей, созданных за долгие годы

их предками. Слушая занимательные рассказы Яхве, Адам все вспоминал ковчег-разведчик со странным именем Лейл и с еще более странным капризным характером.

* * *

Торжественная часть по посвящению Яхве и его товарищей в пилоты проходила в огромном, с прозрачной кровлей, здании, стоявшем отдельно от остальных небольших корпусов школы.

По старинной, ушедшей корнями в незапамятные времена традиции, на церемонии присутствовали не только преподаватели и близкие выпускников, но и члены Совета. Проведя Адама в зал, Яхве присоединился к остальным виновникам торжества.

Оставшись один среди гостей, Адам огляделся. Зал был огромен. Множество колонн, стоявших по периметру, уходили высоко вверх. Между ними ярусами располагались балконы, на которых приглашенные неторопливо занимали свои места. Пока Адам осматривался, на плечо ему легла чья-то рука. Даже не обернувшись, он узнал Оларуна, отца Яхве. Тот по-отечески нежно приветствовал друга своего сына. Этой встрече Адам был рад не меньше, чем встрече с Яхве. С того дня, когда его родители покинули планету, Оларун заменил Адаму и маму, и отца, так что он испытывал к этому богу поистине сыновью любовь.

– Ты здесь впервые, Адам?

– Признаться, да.

– В таком случае, позволь, я стану твоим гидом, если, конечно, общество старого ворчуна не будет тебе в тягость.

– Буду только рад, тем более что в последние годы я был обделен вашим вниманием.

– Согласись, в этом нет моей вины. Вы, молодые, вечно торопитесь. Ваша жизнь расписана по минутам, и хотя впереди у вас вечность, времени на родителей вам все равно не хватает. – В голосе Оларуна Адам уловил грустные нотки, невольно задевшие его.

Тем временем они подошли к одной из небольших платформ возле колонн и встали на нее. Платформа бесшумно подняла их ввысь. Они нашли свободные места на верхнем ярусе и удобно расположились в ожидании начала торжеств.

Вскоре в зал вошла группа будущих пилотов, среди которых был и Яхве. Все они были одеты в какую-то странную, не характерную для богов одежду. Черного цвета узкие брюки и куртки, расшитые красно-золотыми узорами, так не были похожи на повседневную одежду свободного покроя спокойных и мягких тонов.

– Когда-то, – услышал Адам тихий голос своего спутника, – эта униформа призвана была выражать решимость и избранность пилотов. В те далекие времена они покидали планету практически вслепую. Шансы отыскать мир, пригодный для жизни, были один на миллион. Многие из них обрекали

себя на вечное существование в ковчеге, бороздя бескрайние просторы Вселенной. Сейчас же это просто дань традициям, впрочем, как и все, что сегодня будет здесь происходить.

Тем временем с другой стороны зала вышла группа преподавателей школы во главе с членом Совета. Именно в их присутствии выпускники должны были принимать присягу.

И форма выпускников, и звучащая в зале музыка, и торжественность обстановки – все это невольно взволновало молодого бога. Адам почувствовал, что ему хочется сейчас быть там, внизу, осознать, как важен он для своего мира, поклясться перед всеми, что он готов хоть завтра покинуть его ради великой цели. Наверно, там, на полигоне, он все-таки немного покривил душой, когда сказал Яхве, что больше не завидует ему. Сейчас он точно завидовал.

– С каждым годом это становится все помпезней и скучней, – высказал свое мнение Оларун, тяжело вздохнув и покачав головой. При всем уважении к старшему Адам был искренне возмущен услышанным. Неужели можно не чувствовать того же, что и он? Ведь вот она, настоящая жизнь, начинающаяся здесь и уводящая к далеким мирам, полным опасностей и неожиданностей.

– А вот это, юноша, уже действительно интересно, – Оларун дотронулся до плеча разгорячившегося от таких мыслей Адама и показал ему глазами в конец зала, за спины преподавателей школы.

Там, высоко над головами богов, возник небольшой сгусток тумана. Постепенно он увеличивался в размерах, в нем начали появляться отблески света различных цветов и множество мерцающих огней, как бы разрывавших этот странный туман. Прошло еще несколько минут, и туман окончательно развеялся, оставив после себя объемное и очень реальное изображение. При виде этого зрелища у Адама перехватило дыхание. Оно с одинаковой силой страшило и манило его, намертво приковывая взгляд. Это была огромная, занимавшая ползала и уходившая под прозрачную кровлю сфера, образованная из невообразимого сплетения разноцветных трубок различной формы и длины. Эти трубки, наполненные светившимися точками, постоянно менялись, то сливаясь, то расходясь друг с другом; то увеличиваясь, то уменьшаясь в размерах. Адаму, конечно, много раз приходилось видеть разные модели Вселенной (ее изучение входило в обязательную программу обучения каждого бога вне зависимости от определенного ему будущего), но настолько масштабную и подробную модель ему не показывали.

– По мере того как знания о проявлениях вселенской силы становятся все обширнее, а число зондирующих Вселенную ковчегов все больше, – продолжал Оларун, – этот клубок, на мой взгляд, становится только запутаннее. А теперь объясни мне, Адам, как во всем этом можно вообще разобраться и привести ковчег именно к той единственной мигающей точке, выбранной из миллиардов других и уготовленной стать

твоей судьбой? Какие шансы на успех этой миссии, если, как я понимаю, то, что мы видим сейчас, несмотря на тысячи потраченных лет, всего лишь модель, а не реальность глубин космоса?.

– Вы правы, к сожалению, это модель.

Несмотря на безусловную любовь и уважение к Оларуну, Адам почувствовал, что слова бога задели его за живое, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не показать внезапно нахлынувшее глупое детское раздражение.

– Но, во-первых, вот эти желтые линии, образованные резонансом L-полей, проходят кратчайшее расстояние между мирами, а их кажущаяся криволинейность вызвана не столько движением звезд относительно друг друга, сколько системой координат. Во-вторых, туннели, образованные резонансом Z-полей, имеют стационарные точки. Движение же самих миров и, как следствие, вселенских туннелей относительно друг друга не такое уж хаотичное, как кажется на первый взгляд, и происходит относительно медленно. И хотя сигналы, получаемые нами, тратят массу времени, добираясь до нашего мира, но... – Адам прервался на полуслове, заметив снисходительную улыбку отца своего друга, и закончил свою мысль уже без прежнего энтузиазма. – Мы все-таки с определенной долей вероятности можем быть уверены в том, что переселенцы доберутся до выбранной цели.

Оларуна невозможно переубедить. Почему он так уверен в бесполезности всех наших начинаний? Эта мысль не дава-

ла ему покоя почти всю жизнь. Еще в детстве, когда Адам мечтал о необыкновенных приключениях в далеких мирах, рассуждения Оларуна вызывали бессознательную бурю протеста в его душе.

Тем временем в зале, на фоне огромной модели мироздания, молодые пилоты приносили присягу верности своему роду и миру, давшему им жизнь, клялись во что бы то ни стало приводить свои ковчеги к конечной цели, во имя процветания расы богов во всех уголках бесконечного мироздания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.